

УДК-323(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2018-1-108-121

ЕГЭ ПО ИСТОРИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ РЕПЕРТУАРА АКТУАЛИЗИРОВАННОГО ПРОШЛОГО¹

С. А. Васильковский²

Единый государственный экзамен по истории рассматривается в качестве инструмента формирования репертуара актуализированного прошлого, определяющего содержание национально-гражданской идентичности. Анализ структуры заданий экзамена выявил различную коммеморативную плотность отдельных периодов отечественной истории. Результаты показали, что ЕГЭ встраивается в официальный нарратив славного тысячелетнего прошлого и может служить одним из инструментов конструирования исторических представлений подрастающего поколения российских граждан.

Ключевые слова: политика памяти; макрополитическая идентичность; нарратив; коммеморативная плотность; актуализированное прошлое; ЕГЭ по истории.

После распада Советского Союза перед Россией встал вопрос конструирования новой макрополитической идентичности [14, 139] и новой концепции государственности. События и факты, память о которых была сформирована еще в советский период, – предмет острых политических дискуссий. В России, как и в других постсоветских государствах, история стала фундаментальным фактором, влияющим не только на формирование идентичности новых национальных государств, но и на международные отношения между ними.

Отход от советской схемы интерпретации прошлого поставил задачу разработки нового официального нарратива – сюжетно оформленного повествования, предлагающего связную картину цепи исторических событий [13, 9]. За счет отбора значимых исторических фактов и выстраивания связей между ними не только формируется представление о Нас, как едином сообще-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №17-18-01589) и проводится на базе Института научной информации по общественным наукам РАН.

² Васильковский Сергей Алексеевич – аспирант, Аспирантская школа по политическим наукам, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». E-mail: sergeivasilkovsky@gmail.com.

© Васильковский С. А., 2018

стве, но и объясняются причины, по которым, вспоминая об этом эпизоде прошлого, общество воспроизводит именно такие, а не иные ритуалы [4, 15]. Стоит заметить, что кроме представлений о прошлом и настоящем, политика памяти направлена и в будущее, именно поэтому государство использует определенные события для легитимации политического действия.

Таким образом, создание государством нового исторического нарратива тесно связано с конструированием макрополитической идентичности. Содержанием этого нарратива служит актуализированное прошлое (*usable past*) – «своеобразный репертуар исторических событий, фигур и символов, которые наделяются смыслами, в той или иной мере значимыми для современных политических и культурных практик» [14, 142]. От репертуара актуализированного прошлого зависит успешность закрепления идентичности. Государство использует имеющиеся в его распоряжении ресурсы в процессе формирования коллективной памяти. Так, например, оно может создавать новые ритуалы и праздники, устанавливать памятники, учреждать государственные символы и т. д.

Стоит заметить, что подход к формированию коллективных представлений о прошлом в постсоветской России постоянно менялся под влиянием многих внутренних и внешних факторов [15]. 1990-е гг. прошли под знаком разрыва с представлениями об истории, господствовавшими в СССР. В данный период происходила трансформация репертуара актуализированного прошлого, что выражалось в заполнении белых пятен истории [24], чаще всего связанных с трагическими событиями XX в. Затем, в начале нулевых, политика памяти была направлена на консолидацию общества вокруг «славного тысячелетнего прошлого». Критический подход сменился эклектическим, соединяющим в общий нарратив разные представления о российском прошлом [13;15]. С 2012 г., на фоне обострения внешнеполитических конфликтов и внутреннего экономического кризиса, произошла резкая секьюритизация дискурса об идентичности и как следствие – история как ресурс стала более востребованной [13, 154]. Был принят закон, устанавливающий уголовную ответственность за «распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, совершенное публично». Оппоненты власти стали представляться «национал-предателями».

Однако представления об истории у большинства людей складываются еще до того, как они становятся активными участниками общественно-политической жизни. Формирование представлений о прошлом происходит через приобщение человека к культурным памятникам и практикам: литературе, праздникам, кино, устным рассказам, коммеморативным ритуалам. Александр Эткин связывает формирование представлений о прошлом с работой твердых и мягких форм памяти [19, 228]. Мягкая память включает в себя тексты, образы, нарративы, а твердая – главным образом памятники и

мемориалы. Обе формы не просто сосуществуют, они взаимодействуют: идеи и тексты должны быть воплощены в мемориалах, тогда как «твердые средства памяти» не функционируют без дискурсивного поля.

Одним из самых действенных институтов, принимающих непосредственную роль в политике памяти, является школа [4, 15]. Образование, полученное в раннем возрасте, способствует надежному закреплению представлений о прошлом. В частности, формирование макрополитической идентичности происходит через уроки истории в школах. Изучению преподавания истории, и главным образом – содержанию учебников, уделяется в контексте исследований социальной памяти немало внимания [3; 10; 11; 20; 21; 23]. Учебники по истории связывают текущую политику с прошлым в контексте определённых целей [23, 130]. В них наиболее четко представлены и сформулированы идеи гражданства и нации, общего прошлого и будущего.

Проблема унификации содержания школьных учебников истории оказалась предметом внимания власти с середины 2000-х гг. В 2006 г. была предпринята первая попытка «упорядочить» преподавание этой дисциплины. Группе авторов под руководством Александра Филиппова и Александра Данилова было поручено подготовить набор учебников по истории для средней школы [15, 334]. Итогом этой работы стали учебник «История России 1945–2007» и методическое пособие для учителей по периоду 1900–1945 гг., в которых произошел отказ от однозначно негативной оценки тоталитарного прошлого. В 2013 г. Владимир Путин предложил подготовить учебник по истории в рамках единой концепции и логики. Созданная по его указанию расширенная рабочая группа сформировала Концепцию учебно-методического комплекса (УМК), в которую вошел «перечень трудных вопросов истории России» [14, 152]. Для облегчения работы учителей истории, сталкивающихся с проблемой недостатка материалов и достоверной информации по этим вопросам, в «Историко-культурном стандарте» предусмотрено создание серии тематических модулей, методических пособий, а также дополнительных справочных материалов, соотносящих наиболее распространенные точки зрения на эти события. В итоге должна быть закреплена роль учебника как «навигатора», представляющего несколько подходов к существующим проблемам.

Однако в потоке общественных споров о «едином учебнике истории» и на фоне происходящего государственного регулирования в области коллективной памяти и преподавания истории в школах мы упускаем иной вариант стандартизации памяти о прошлом. На запоминание истории влияет также Единый государственный экзамен (ЕГЭ). Институт ЕГЭ был введен в 2001 г. в качестве эксперимента в нескольких регионах Российской Федерации. Впоследствии, с 2009 г. он стал основным условием для получения аттестата о среднем образовании и для поступления в высшие учебные заведения. Экзамен по истории не числился среди обязательных предметов, его сдавали по

выбору. Однако в мае 2017 г. Министр образования и науки Ольга Васильева заявила, что «вся страна будет сдавать историю».

Следует заметить, что ЕГЭ стал своеобразным измерителем результатов преподавательской деятельности. Родители уже давно выбирают образовательный центр или школу исходя из показанных ими результатов [6, 37]. В гонке за рейтингом, на основе собственного опыта подготовки к ЕГЭ, учителя могут выбирать учебные пособия и рабочие тетради, которые в большей степени будут соответствовать экзамену. Это позволяет повысить баллы у сдающих экзамен. Вслед за ними движутся и финансовые потоки. На основе результатов повышается финансирование школ, а за деньгами идут лучшие педагоги. На это не могут не обращать внимания и создатели учебников, образовательных программ и т.д. Примечательно также, что вплоть до 2014 г. эффективность работы губернаторов и руководителей регионов оценивалась в том числе по баллам ЕГЭ, полученным школьниками, правда позже эта позиция была исключена из показателей для оценки деятельности губернаторов, что снизило политическое давление на проведение ЕГЭ.

Таким образом, структура школьного экзамена играет особенную роль в современных общественно-политических и культурных реалиях. С одной стороны, будучи итогом школьного образования, ЕГЭ призван проверить всю полноту знаний по истории отечества, унифицировать процедуру получения аттестата и уравнивать шансы для поступления в престижные вузы всех учеников. С другой стороны, содержание ЕГЭ отражает результаты определенного отбора дат, фактов, событий и исторических личностей, и его можно рассматривать в качестве отражения структуры актуализируемого прошлого. Более частое употребление одних периодов или событий в представленных на экзамене заданиях указывает на их разную коммеморативную плотность [4, 19]. Это, в свою очередь, служит подтверждением закрепления определенного репертуара актуализированного прошлого.

Примечательно, что главный упор государство делает на формирование позитивного образа отечественной истории, сглаживание её спорных углов и замалчивание негативных событий [22, 532]. Ресурсом для консолидации общества могут служить победы, фигуры выдающихся деятелей, признание заслуг государства на международной арене. В данной статье мы постараемся показать, что Единый государственный экзамен по истории воспроизводит именно такой подход к работе с актуализированным прошлым.

Методика анализа. До 2015 г. ЕГЭ по истории состоял из трех частей разного уровня сложности: блок А включал тестовые задания с единственным ответом; в блоке В необходимо было дать краткий ответ, вписать слово; задания С подразумевали сочинение по выбранной исторической фигуре или периоду, сопоставление, письменный ответ на вопрос. Однако в 2015 г. ЕГЭ был переформатирован и усложнен. Министерство образования

отказалось от структурирования по блокам, обозначенным буквами латинского алфавита (А, В и С), и в нынешнем варианте экзамен по истории состоит из двух частей, включающих в себя 25 заданий. Первая содержит 19 вопросов и представляет собой слияние блоков А и В, в ней надо выбрать правильные варианты ответа, вписать слово, убрать лишний термин из списка и т. д. Вторая часть включает в себя 6 заданий, на которые требуется развернутый ответ.

Источником для анализа структуры заданий экзамена по истории послужил Открытый банк заданий Федерального института педагогических измерений (ФИПИ), который начали создавать в 2013 г. Благодаря этому появилась возможность проанализировать основное содержание вопросов экзамена по отечественной истории. В базу данных вошли задания Части 1, которые требуют конкретного знания материала, основных дат, лиц, фактов и событий. Вторая часть экзамена не представлена в открытом доступе и, на наш взгляд, не представляет собой особой ценности с точки зрения анализа политики памяти, поскольку, по большей части, она направлена на проверку аналитических способностей школьника.

Методика исследования предполагала анализ содержания вопросов. Мы определяли, к какому из этапов отечественной истории отсылает вопрос или задание, отрывок исторического документа. Кроме того, мы выделяли вопросы, относящиеся к внутренней и внешней политике России, связанные со значимыми социальными событиями и реформами, а также отражающими культурную историю. Стоит заметить, что часть заданий не имеет строгой хронологической привязки – они нацелены на проверку знания терминов или относятся сразу к нескольким несвязанным периодам. Такие вопросы не были включены в анализ. Возможны расхождения полученных результатов с общим количеством заданий в пределах небольшой погрешности, поскольку некоторые из них повторялись или находились не в своих периодах. На общую картину это не повлияло.

Анализ содержания заданий ЕГЭ по истории

Общая структура ЕГЭ. Открытый банк заданий экзамена по истории насчитывает около 4 100 вопросов, которые разделены на три основных периода (рис. 1): Древность и Средневековье; Новое время; Новейшая история. Каждый из них должен присутствовать в варианте, который готовится для школьников. Стоит добавить, что в базу вопросов входят все задания, когда-либо встречавшиеся в экзамене по истории. К сожалению, невозможно отследить, в какой год какое из заданий было добавлено, поэтому мы не можем точно проверить динамику изменений в структуре вопросов экзамена. Однако компьютер выбирает задания случайным образом, поэтому события с большей плотностью вопросов будут выпадать чаще.

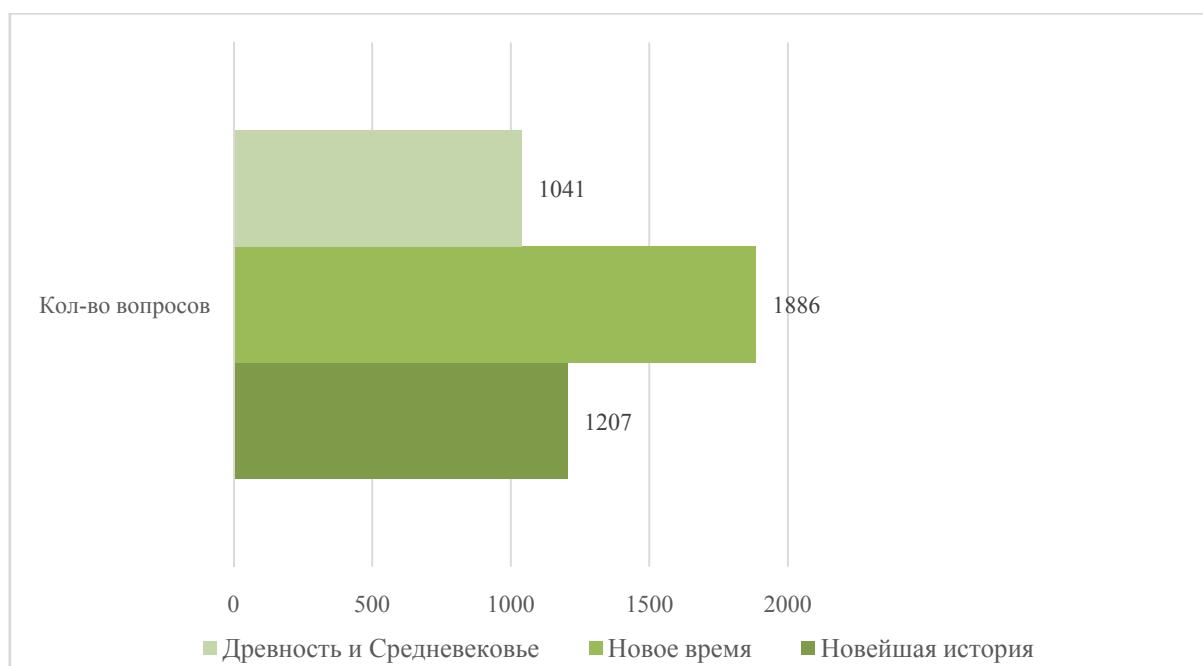

Рис. 1. Общее количество вопросов по основным периодам отечественной истории

Первый блок вопросов «Древность и Средневековье» охватывает масштабный промежуток времени от первых союзов славянских племен и становления Киевского государства до Смутного времени и восшествия на престол династии Романовых. Восемьсот лет (почти две трети) отечественной истории представлены лишь 25% от общего числа вопросов, что вполне объяснимо в рамках позитивного представления о прошлом. На данный период, согласно УМК, приходится ряд «трудных вопросов истории России»: роль варягов в образовании Древнерусского государства; существование древнерусской народности и восприятие наследия Древней Руси как общего фундамента истории России, Украины и Беларуси; исторический выбор Александра Невского; роль Ивана IV Грозного в российской истории, его реформы и их цена; попытки ограничения власти правителя государства в период Смуты. По этим проблемам учителям предлагается предоставлять несколько точек зрения. Однако для подготовки к сдаче ЕГЭ данный подход не играет существенной роли, поскольку основная часть заданий посвящена знанию дат, имен и событий.

Самым большим по объему вопросов оказался период «Нового времени». Он начинается с правления первых Романовых и заканчивается отречением Николая II от престола. На данный этап приходится общественно-политическое, экономическое и культурное становление российского государства. Именно в XVIII в. Россия входит в «европейский концерт» и начинает играть важную роль в мировой политике.

В этап «Новейшей истории» вошли события XX в. от революций и становления Советского государства до его распада и последующих рыночных

реформ. Это один из самых насыщенных и сложных веков российской истории, на изучение которого школьникам отводится отдельный год и учебник. Данный этап включает увеличенное количество разнообразных вопросов. Они отражают не столько роль исторических личностей, сколько ключевые этапы истории. На первый план выходят и экономическая политика, и международная обстановка.

Более подробно мы остановимся на Новом времени и Новейшей истории, поскольку именно тогда происходило становление российского государства и основные события отечественной истории.

Новое время. Структура содержания вопросов экзамена представлена на графиках ниже (рис. 2 и рис. 3). Для Нового времени основными хронологическими водоразделами служат периоды правления монархов, кроме эпохи дворцовых переворотов. Отдельно на графике мы выделили культурную историю и общественные движения. Разделение на этапы в Новейшей истории проходит по значимым направлениям политики, которые были выявлены в ходе анализа.

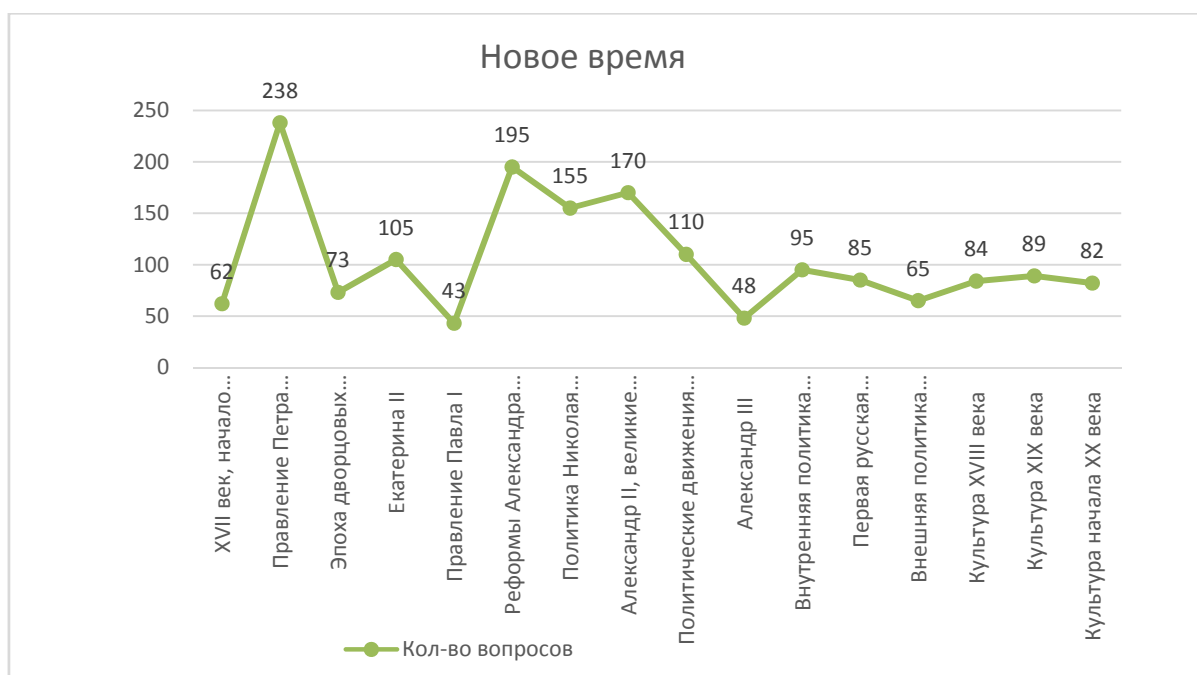

Рис. 2. Представленность вопросов по Новому времени

На графике Нового времени по количеству заданий выделяются несколько периодов. Реформы Петра Великого, становление империи, события Северной войны более представлены на фоне вопросов по XVII в. и дворцовым переворотам. Правление Александра I возвышается за счет вопросов по Отечественной войне 1812 г.: более половины вопросов приходятся именно на неё и на заграничные походы российской армии.

Примечательно, что периоды реформ тоже отличаются высокой коммеморативной плотностью в структуре экзамена. Так, из 170 вопросов, по-

священных правлению Александра II, 120 приходится на внутреннюю политику, в том числе 50 – на земельную реформу и отмену крепостного права. Внутренняя политика Николая II, «зарождение» парламентаризма и предшествующие ему события выделяются по количеству вопросов на фоне контрреформ его отца. Освобождение крестьян, реорганизация армии, а также развитие капитализма, политической и судебной систем рассматриваются как благие преобразования, происходившие в Российской империи в XIX–XX вв. Об этом свидетельствует и отсутствие в «перечне трудных вопросов» сюжетов, связанных с этими событиями.

С другой стороны, вопросы о трагических страницах российской истории, таких как Первая мировая и Русско-японская войны, встречаются достаточно редко: 30 и 35 вопросов соответственно. Эти две проигранные войны воспринимаются как ошибки, воспоминание о которых не вписывается в логику «славного прошлого».

Рис. 3. Представленность вопросов по Новейшей истории

Новейшая история. Гораздо интереснее выглядит содержание заданий по Новейшей истории. Среди сбалансированной общей картины пиком становятся вопросы, посвященные событиям вокруг Второй мировой войны. В них мы включили не только памятные даты Великой Отечественной войны, но и события и договоры, непосредственно предшествовавшие и завершившие войну. При этом основная масса вопросов, так или иначе, посвящена именам и сражениям, поскольку война является отражением славного прошлого, вокруг которого строится советский и постсоветский нарративы.

Примечательно что, каждый этап Новейшей истории России входит в перечень трудных вопросов. С точки зрения учителя, каждый период должен быть представлен несколькими подходами к оценке прошлого. Великая Отечественная война не стала исключением. Спорными моментами являются и внешняя политика СССР накануне войны, и цена победы.

* * *

Исходя из структуры заданий, можно сделать вывод, что Единый государственный экзамен по истории как инструмент формирования представлений о прошлом вписывается в общую картину политики идентичности в России [13, 149]. Во-первых, большой объем заданий ЕГЭ приходится на имперский период истории России. Во-вторых, на современном этапе Великая Отечественная война и победа в ней являются основными событиями репертуара актуализированного прошлого. В-третьих, конструирование идентичности на основе позитивного прошлого ограничивает репертуар используемых событий. В-четвертых, коммеморативная плотность событий, отраженных в ЕГЭ, не всегда коррелирует с «перечнем трудных вопросов».

Кроме проверки общих знаний по истории, ЕГЭ закрепляет картину прошлого, преподаваемую в школе. Упор в ЕГЭ на дореволюционные события создает и поддерживает образ «тысячелетней истории» России. Как правильно заметила О.Ю. Малинова, именно дореволюционное прошлое обладает большим ресурсом для построения макрополитической идентичности [13, 137]. Кроме того, согласно УМК на данный период приходится всего четыре «трудных вопроса» из двадцати: попытки ограничения власти главы государства в эпоху дворцовых переворотов; присоединение Украины к России; фундаментальные особенности социального и политического строя России (крепостное право, самодержавие) в сравнении с государствами Западной Европы; причины, особенности, последствия и цена петровских преобразований. Таким образом, в период от дворцовых переворотов до революций 1917 г. не встречаются проблемные события, которые требуют разбора нескольких точек зрения.

Помимо становления империи и внешней экспансии в XVIII в., конституирующим историческим событием XX в. для современной России была и остается Великая Отечественная война. На её долю приходится 230 из 1 030 вопросов по Новейшей истории. Иными словами, почти четверть всех заданий ЕГЭ по данному периоду посвящена всего 6 годам XX в. Согласно исследованиям О.Ю. Малиновой, память о Великой Отечественной войне окончательно стала основным ресурсом российской исторической политики, нацеленным на построение макрополитической идентичности [12;13]. Впрочем, в 1990-е гг., после распада СССР, государство пыталось создать иной, отличный от советского, образ этой войны. Великая Победа интерпре-

тировалась как подвиг народа, одержавшего её вопреки политике партии и правительства, а не благодаря им. В 2000-е гг. на смену теме травмы пришли консолидирующие, позитивные представления о войне. На первый план снова вышли подвиги героев и гордость за славное прошлое [12;19]. Все инициативы, исходящие снизу (например, георгиевская ленточка или «Бессмертный полк»), государство поддерживало, а впоследствии принимало на вооружение.

По мнению Н. Копосова, Великая Отечественная война стала настоящим мифом происхождения российского государства [7, 163]. Вокруг него строится концепция нового режима. При этом происходит вовлечение в официальный нарратив разных взглядов на это событие. Государство интегрирует в себя и бессмысленные жертвы, и представления о неготовности к войне, и подвиги героев, и спасение советскими войсками Европы от нацизма. В ЕГЭ одновременно присутствуют вопросы, относящиеся к пакту Молотова-Риббентропа и к 28 панфиловцам. Великая Отечественная война и Победа являются также главными консолидирующими событиями прошлого из-за мультиэтничности Российской Федерации, поскольку построение макрополитической идентичности через этническую или религиозную принадлежность в России по меньшей мере затруднительно.

Стремление к позитивному образу российской истории и сглаживание проблемных углов упрощают и ограничивают репертуар актуализированного прошлого. Коммеморативная плотность военных побед и славных событий значительно больше, чем неудачных периодов. Количество вопросов, посвященных событиям «славного прошлого» (становлению империи при Петре I, Отечественной войне 1812 г., реформам Александра II и Великой Отечественной войне), существенно превышает количество тех, вспоминать о которых неудобно: Бунташный век, восстание декабристов, Крымская война, Русско-японская война, НЭП, «Большой террор».

Задания для Единого государственного экзамена начали составлять задолго до появления «Историко-культурного стандарта», поэтому «трудные вопросы» могут иметь высокую коммеморативную плотность. Они направлены не на рефлексию в отношении истории, а на проверку знаний о победах, славных датах и событиях. Таким образом, ЕГЭ становится некой ретроспективной политики памяти: он отражает подход к работе с прошлым, закреплённый в 2000-х гг. Попытка зафиксировать историю в качестве обязательного предмета для получения аттестата может привести к дальнейшей ревизии заданий на основе новой концепции.

В завершение следует отметить, что отношение к войне и имперской истории резко изменилось после 2014 г. В условиях конфликта с Украиной и Западом политика идентичности стала рассматриваться как фактор национальной безопасности. На фоне обострившихся войн памяти государство постаралось защитить формируемые представления об истории. Также в дан-

ный период начался поиск новых событий для расширения рамок привычного репертуара актуализированного прошлого, что впоследствии может отразиться на структуре экзамена.

В данных условиях прошлое играет роль не только в построении макрополитической идентичности, но и в демаркации по линии «Свой / Чужой». Границы между оппонентами проходят в России не по вопросам экономических, правовых, социальных реформ, а по отношению к историческому наследию. Обсуждение актуальных внешнеполитических и внутривнутриполитических событий редко обходится без отсылок к прошлому. Отсутствие же определенности в обществе по поводу одного из главных фундаментов формирования новой идентичности объясняет повышенное внимание властвующих элит к вопросу формирования единого исторического нарратива, в том числе посредством таких инструментов актуализированного прошлого, как ЕГЭ, учебники истории, мемориальные законы и т.д. Неразрешенность вопросов памяти, односторонний взгляд на события истории и использование войны продолжают раскалывать общество современной России.

Библиографический список

1. *Берелович В.* Современные российские учебники истории: многоликая истина или очередная национальная идея? // *Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре.* 2002. № 4 (24). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2002/4/brel-pr.html> [Berelovich V. Contemporary Russian history textbooks: many-faced truth or yet another national idea? // *Debates on Politics and Culture.* 2002. No. 4 (24)].
2. *Воробьева О. В.* Историческая память и профессиональная историография // *Преподаватель XXI.* 2015. Т. 2. № 4. [Vorob'eva O. V. Historical memory and professional historiography // *Prepodavatel XXI vek.* 2015. Vol. 2. No. 4. P. 240–250].
3. *Зверева Г.* Конструирование культурной памяти: «наше прошлое» в учебниках российской истории // *Новое литературное обозрение.* 2005. №74. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/74/zv6.html> [Zvereva G. Constructing cultural memory: "our past" in Russian history textbooks // *New Literary Observer.* 2005. No. 74. Available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/74/zv6.html>].
4. *Зерубавель Я.* Динамика коллективной памяти: сб. статей «Империя и нация в зеркале исторической памяти». М., 2011. [Zerubavel' Ya. Dynamics of Collective Memory // *Empire and Nation in the Mirror of Historical Memory: Collected works.* Moscow, 2011].
5. *Калинин И. А.* Бои за историю: прошлое как ограниченный ресурс // *Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре.* 2011. № 4(78).

- [Kalinin I.A. The struggle for history: the past as a limited resource // *Debates on Politics and Culture*. 2011. No. 4(78)].
6. *Калинин И. А.* Ностальгическая модернизация: советское прошлое как исторический горизонт// *Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре*. 2010. № 6 (74). С. 6–16. [Kalinin I.A. Nostalgic Modernization: the Soviet Past as Historical Horizon // *Debates on Politics and Culture*. 2010. No. 6 (74). P. 6–16].
 7. *Копосов Н. Е.* Память строгого режима: история и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 320 с. [Koposov N.E. Memory of the Brutal Regime: History and Politics in Russia. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2011. 230 p.].
 8. *Кирчанов М. В.* Проблемы политизации исторической науки в России (на примере националистических течений в историографии) // *Общество: политика, экономика, право*. 2014. № 2. С. 9–13. [Kirchanov M. V. Problems of historical science politicization in Russia (case study of nationalist trends in historiography) // *Society: Politics, Economics, Law*. 2014. No. 2. P. 9–13].
 9. Кто боится учебника истории? Материалы семинара, проведенного Волгоградским государственным университетом и Институтом Кеннана Международного научного центра им. Вудро Вильсона при поддержке Фонда Ф. Эберта 26 апреля 2012 г. (Волгоградский исторический семинар. Вып. 4) / под ред. д.и.н. проф. И.И. Куриллы. Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета, 2013. [Who is afraid of a history textbook? Proceedings of the seminar conducted by the Volgograd State University and the Kennan Institute of the Woodrow Wilson International Center for Scholars with the support of the Friedrich Ebert Foundation on April 26, 2012 (Volgograd Historical Seminar Proceedings. Issue 4) / ed. by I.I. Kurilla. Volgograd: Volgograd State University Publ., 2013].
 10. *Курилла И. И.* История и память в 2004, 2008 и 2014 годах // *Отечественные записки*. 2014. №3 (60). URL: <http://www.strana-oz.ru/2014/3/istoriya-i-pamyat-v-2004-2008-i-2014-godah> 18.10.2017. [Kurilla I.I. History and memory in 2004, 2008 and 2014 // *Homeland Notes*. 2014. No. 3 (60). Available at: <http://www.strana-oz.ru/2014/3/istoriya-i-pamyat-v-2004-2008-i-2014-godah>].
 11. *Курилла И. И.* Политическое «использование истории» в современной России // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Сер. 4. Ист. 2012. № 1(21). С. 155–159. [Kurilla I.I. Political “Use of History” in Contemporary Russia // *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*. 2012. No. 1(21). P. 155–159].
 12. *Малинова О. Ю.* Великая Отечественная война как символический ресурс: эволюция отображения в официальной риторике 2000–2010-х гг. // *Россия и современный мир*. 2015. № 2(87). С. 6–29. [Malinova O.Yu. The

- Great Patriotic War as a symbolic resource: The evolution in the official rhetoric of 2000-2010 // *Russia and the Contemporary World*. 2015. No. 2(87). P. 6–29].
13. *Малинова О. Ю.* Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: Политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2015. [Malinova O.Yu. Past of current interest: The symbolic policy of the ruling elite and dilemmas of Russian identity. Moscow: ROSSPEN Publ., 2015].
 14. *Малинова О. Ю.* Официальный исторический нарратив как элемент политики идентичности в России: от 1990-х к 2010-м годам // *Полис*. 2016. № 6. С. 139–158. [Malinova O.Yu. The Official Historical Narrative as a Part of Identity Policy of the Russian State: From the 1990s to the 2000s // *Polis. Political Studies*. 2016. No. 6. P. 139–158].
 15. *Миллер А. И.* Историческая политика в России: Новый поворот? // *Историческая политика в XXI веке: сб. статей*. М., 2012. [Miller A.I. Historical politics in Russia: A new twist? // *Historical Politics in the 21st century: collected works*. Moscow, 2012].
 16. *Миллер А. И.* Политика памяти в России: Год разрушенных надежд // *ПОЛИТИЯ*. 2014. № 4 (75). [Miller A.I. Politics of Memory in Russia: Year of Dashed Hopes // *Politeia*. 2014. No. 4 (75)].
 17. *Миллер А.И.* Роль экспертных сообществ в политике памяти в России // *ПОЛИТИЯ*. 2013. № 4 (71). [Miller A.I. Role of Expert Communities in Memory Politics in Russia // *Politeia*. 2013. No. 4 (71)].
 18. Россия и США на страницах учебников: опыт взаимных репрезентаций / под ред. В. И. Журавлевой и И. И. Куриллы. Волгоград: Институт Кеннана, 2009. [Russia and the United States: Mutual Representations in Textbooks / ed. by V. I. Zhuravleva and I. I. Kurilla. Volgograd. 2009].
 19. *Эткинд А.* Кривое горе: память о непогребенных / авториз. пер. с англ. В. Макарова. М., 2016. [Etkind A. Warped Mourning: Stories of the Undead in the Land of the Unburied. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2016].
 20. *Феретти М.* Обретенная идентичность. Новая «официальная история» путинской России // *Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре*. 2004. №4 (36). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2004/4/fe11.html> [Ferretti M. Found Identity: The new "official history" of Putin's Russia // *Debates on Politics and Culture*. 2004. No. 4 (36). Available at: <http://magazines.russ.ru/nz/2004/4/fe11.html>].
 21. *Butterfield J., Levintova E.* History education and historical remembrance in contemporary Russia: Sources of political attitudes of pro-Kremlin youth // *Communist and Post-Communist Studies*. 2010. No. 43. P. 139–166.
 22. *Coakley J.* Mobilizing the Past: Nationalist Images of History. *Nationalism and Ethnic Politics*. 2004. Vol. 10. No. 4. P. 531–560.

23. Korostelina K. War of textbooks: History education in Russia and Ukraine // Communist and Post-Communist Studies. 2010. No. 43. P. 129–137.
24. Wertsch V James. Blank Spots in Collective Memory: A Case Study of Russia// The Annals of the American Academy of Political and Social Science. Vol. 617. The Politics of History in Comparative Perspective (May, 2008). P. 58–71.

Источники

1. Открытый банк заданий ЕГЭ. ФГБНУ «Федеральный институт педагогических измерений». URL: <http://www.fipi.ru/content/otkrytyy-bank-zadaniy-ege>. 05.12.2017 [Unified State Exam Open bank of assignments. FSBSI “Federal Institute of Pedagogical Measurements”. Available at: <http://www.fipi.ru/content/otkrytyy-bank-zadaniy-ege>].
2. Концепция нового учебно-методического комплекса по Отечественной истории. URL: <http://rushistory.org/images/documents/konsepsiyafinal.pdf>. 05.12.2017 [The Concept of a New Educational and Methodological Complex on Russian History. Available at: <http://rushistory.org/images/documents/konsepsiyafinal.pdf>].

HISTORY STATE EXAM AS A TOOL FOR FORMING THE REPERTOIRE OF THE USABLE PAST

S. A. Vasilkovsky

Postgraduate Student,

National Research University “Higher School of Economics”

The article analyzes the role of the Unified State Exam in History in forming the repertoire of the usable past, which determines the content of the national identity. The analysis of the examination tasks has revealed different commemorative density of the periods of Russian history. The author states that the exam is integrated into the official narrative of the millennial past and can serve as a tool for constructing the historical views of younger Russian citizens.

Keywords: politics of memory; macro-political identity; historical narrative; commemorative density; usable past; History State Exam.